

DOI 10.15826/qr.2020.1.464

УДК 929Александр(470)*2+929.52Долгоруковы+821.161.1-6

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЕКАТЕРИНЫ ДОЛГОРУКОВОЙ, КНЯГИНИ ЮРЬЕВСКОЙ*

*Рец. на: Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская : Роман в письмах. – СПб. :
Изд-во Европ ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 404 с.*

Ольга Солодянкина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

BEHAVIOURAL PRACTICES OF THE RUSSIAN IMPERIAL COURT IN THE BIOGRAPHY OF EKATERINA DOLGORUKOVA, PRINCESS YURYEVSAYA

*Rev. of: Safronova, Yu. (2017). Ekaterina Yur'evskaya. Roman v pis'makh
[Catherine Yuryevskaya. An Epistolary Novel]. St Petersburg, European
University at St Petersburg Press. 404 p.*

Olga Solodyankina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

This review analyses a monograph written by Yulia Safronova, a St Petersburg-based specialist in the era of the Great Reforms, who makes an attempt to create the first historical biography of Princess Dolgorukova, the long-time mistress and thenmorganatic wife of Emperor Alexander II. The reviewer describes the structure of Safronova's work, considers the methods of studying sources, and indicates the details of Yuryevskaya's biography that have been clarified thanks to Safronova's research. The source base of the work comprises approximately 5,000 letters by Alexander II and Princess Dolgorukova stored in the State Archive of the Russian Federation and written in French with

---

* *Citation: Solodyankina, O. (2020). Behavioural Practices of the Russian Imperial Court in the Biography of Ekaterina Dolgorukova, Princess Yuryevskaya. In Qu aestio Rossica. Vol. 8, № 1. P. 306–318. DOI 10.15826/qr.2020.1.464.*

Цитирование: Solodyankina O. Behavioural Practices of the Russian Imperial Court in the Biography of Ekaterina Dolgorukova, Princess Yuryevskaya // Qu aestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 1. P. 306–318. DOI 10.15826/qr.2020.1.464 / Солодянкина О. Поведенческие практики российского императорского двора в научной биографии Екатерины Долгоруковой, княгини Юрьевской // Qu aestio Rossica. Т. 8. 2020. № 1. С. 306–318. DOI 10.15826/qr.2020.1.464.

single words or phrases in Russian, which the author considers a sort of “speech play” between the confidants. In Safronova’s study, the correspondence between Alexander II and his “Katya” is presented as a multifaceted source on the issues of Russian domestic and foreign policy, the history of the male and the female, sexuality, parenting, and, most importantly, the history of everyday practices of the Russian imperial court. The reviewer points out topics successfully developed by the author of the work, characterises the style of the author’s narrative, and identifies the subjects that need further research. The reviewer concludes that Safronova managed to successfully write an interesting biographical work thanks to a number of factors, such as well-founded research, scrupulous and comprehensive work with sources, and a composed writing style, which allows the author to stay within the scope of scholarly discourse even when considering certain intimate issues that are difficult to analyse in an academic text.

Keywords: Alexander II; Princess Yuryevskaya; Dolgorukovs; everyday practices; Russian imperial court.

Представлен анализ монографии Юлии Сафроновой, петербургского специалиста по эпохе Великих реформ, предпринявшей попытку создания первой научной биографии княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой, многолетней любовницы, впоследствии морганатической супруги императора Александра II. В рецензии охарактеризованы структура монографии, методы работы с источниками, указывается, какие моменты биографии Юрьевской уточнены благодаря исследованию Сафроновой. Источниковой базой монографии послужили хранящиеся в ГАРФ примерно 5 тыс. писем Александра II и княжны Долгоруковой, написанных по-французски с вкраплениями отдельных слов и фраз на русском языке, рассматриваемые автором как «речевые игры» конфиденентов. В монографии переписка императора и его «Кати» выступает как многоплановый источник по вопросам внутренней и внешней политики России, по истории «мужского» и «женского», по истории сексуальности, воспитания детей, но главное – по истории повседневных практик российского императорского двора. В рецензии обращено внимание на темы, успешно разработанные автором монографии, охарактеризован стиль авторского нарратива, выявлены сюжеты, нуждающиеся в дальнейшем развитии. Рецензент приходит к выводу, что факторами создания привлекательного произведения биографического жанра, как это получилось у Ю. Сафроновой, являются хорошая фундированность исследования, скрупулезная многогранная работа с источниками, сдержанная манера письма, позволяющая не выйти за рамки научного дискурса при рассмотрении даже сложных для научного анализа частных вопросов.

Ключевые слова: Александр II; княгиня Юрьевская; Долгоруковы; поведенческие практики; российский императорский двор.

Жанр биографии переживает периоды то упадка, то возрождения интереса и популярности. При этом рядовым читателям вполне импонируют традиционные биографии, написанные с использованием историко-генетического метода, с элементами подключения авторской интуиции, допущениями, применением аналогии и даже вымысла, а ученые в основном предпочитают руководствоваться строго научными критериями, будучи ограниченными наличествующими источниками. В итоге возникает расхождение между беллетризованными биографиями, которым отдает дань читатель, и суховатыми научными текстами, где каждый факт подкреплён ссылкой. Современный исследователь может попытаться выйти за пределы этого противоречия и создать привлекательный литературно выверенный текст, руководствуясь теми или иными теориями о формировании личности, об особенностях постижения или непостижимости внутреннего мира человека, концентрировать внимание не только на главном герое, но и на его окружении, писать не только внешнюю биографическую канву, но и представлять интеллектуальный мир эпохи через систему взглядов и ценностей главного персонажа, затронуть интимно-личностные аспекты – и при этом опираться на источники и создать научную биографию.

Е. М. Долгорукова. 1870-е гг. Фото

E. M. Dolgorukova. 1870s. Photograph

К таким новаторским творениям биографического жанра, без сомнения, относится монография Юлии Сафроновой, посвященная княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой – многолетней любовнице, впоследствии морганатической супруге императора Александра II, светлейшей княгине Юрьевской. У Ю. Сафроновой, молодой исследовательницы из Санкт-Петербурга, это уже вторая монография, связанная с эпохой Великих реформ [Сафронова, 2014], однако разработка биографии Юрьевской явилась серьезным вызовом, заставив автора рефлексировать о жанре книги и возможных ходах описания жизни героини (с. 4)¹. Создание научной биографии Юрьевской давно назрело, поскольку длительное время существуют многочисленные мифы и определенный «медийный шум» вокруг «романа императора», как называли ситуацию с княжной Долгоруковой современники². В монографии речь идет о второй семье царя-осво-

¹ Здесь и далее при обращении к рецензируемому изданию номера страниц приводятся в круглых скобках.

² См., например, художественные фильмы «Катя» (1938), «Катя – некоронованная царица» (1959), «Роман императора» (1993), «Любовь императора» (2003).

бодителя, но скандальность и некоторую сенсационность сюжету придает обнародование документов из личной переписки Александра II, дающее основания говорить о чрезмерной (и может быть, даже извращенной) сексуальности императора, создавая ему репутацию развратника и эротомана (с. 173). Обращение к биографии Юрьевской включало и вопросы, связанные с интимной жизнью героини.

Перед исследовательницей стояла задача представить биографию Е. М. Долгоруковой, деконструировав легенду о «романе императора». Прожившая долгую жизнь, из них вдовой в течение 41 года, Долгорукова осталась в истории «Катей», предметом обсуждения, домыслов, мифов, существующих и поныне, что в очередной раз подтвердила открытая к 200-летию со дня рождения Александра II выставка в Государственном историческом музее [Александр II Освободитель]. Как признает Ю. Сафронова, «биографии Е. М. Юрьевской не существует до сих пор. Сама по себе, вне “романа императора”, она мало интересует исследователей. Простой выбор между “кроткой возлюбленной” и “мегерой” делается ими, кажется, исключительно интуитивно» (с. 16). Сафронова пытается уйти от штампов историографии и представить Юрьевскую как гораздо более многозначный персонаж, нежели «мегеру» или романтическую героиню – возлюбленную императора, пишет сдержанно, без смакования подробностей, но интересно, увлекательно как по форме, так и по сути, создавая не беллетризованную биографию, а именно научный текст: она показывает «кухню» работы с главной составляющей источниковой базы – многочисленными письмами Александра II, адресованными княжне, и гораздо менее полно представленными посланиями Долгоруковой. Автор не стесняется признавать отсутствие тех или иных источников, что делает исследователя «слепым в отношении того, что корреспонденты намеренно не доверили бумаге» (с. 16), рефлексировать по поводу трудностей жанра биографии, сравнивает версии предшествовавших исследователей, объясняя, почему отмечает какие-то из них. Эта последовательная авторская позиция заслуживает безусловного уважения, но вместе с тем затрудняет создание цельной биографии Юрьевской.

Книга включает четыре главы, во многом связанные с логикой жизни героини и особенностями источниковой базы. Первая часть, самая короткая по объему (с. 20–56), посвящена князьям Долгоруковым (разным ветвям этого рода), и особенно биографии скандально известного деда героини князя Михаила Михайловича Долгорукова (1790–1841), о родстве с которым семья предпочитала не упоминать (с. 31–38). Автор характеризует положение «теповских» Долгоруковых³ в середине XIX в., финансовые трудности семьи, которые, уверяет Ю. Сафронова (и с этим невозможно не согласиться), были не уни-

---

³ Так называли эту ветвь Долгоруковых по названию их главного семейного гнезда – имения Тепловка в Полтавской губернии.

Александр II и Е. М. Долгорукова с детьми Георгием и Ольгой. 1880-1881. Фото

Alexander II and E. M. Dolgorukova with their children George and Olga. 1880-1881. Photograph

кальны, а совершенно типичны для представителей родовитого дворянства той поры, когда родовитость сама по себе не обеспечивала места под солнцем (с. 25). Однако о взаимоотношениях в родительской семье княжны, о воспитании детей (а у Екатерины Долгоруковой были сестра и четыре брата) автор практически не пишет, поскольку отсутствуют источники. Как выяснилось, несмотря на наличие нескольких публикаций, посвященных Юрьевской [Paléologue; Tarsaidzé], далеко не все моменты ее жизни документированы, и присутствует ряд «темных пятен», которые пытается прояснить Ю. Сафронова.

Это вопрос о дате рождения, на который «завязаны» и другие моменты биографии княжны, в частности, возраст во время первой встречи с Александром II, посетившим Тепловку в 1859 г. (была ли Катя совсем девочкой или уже расцветающей девушкой?). Исследовательница склоняется к дате рождения княжны в 1847 г. в противовес общепринятой версии (1849 г.), аргументируя свою позицию данными формулярного списка князя Михаила Долгорукого, отца княжны, и сведениями о возрасте принятых в Смольный воспитанниц – княжон Екатерины и Марии Долгоруковых (с. 47–48). Еще одно непроясненное место – дата кончины отца. Традиционная дата (между 1859 и 1861 гг.) опровергается исследовательницей, убежденной, что на деле князь М. М. Долгоруков скончался в 1870 или 1871 г. Особый интерес в первом разделе монографии представляет изложенная Ю. Сафроновой история борьбы матери княжны княгини Веры Гавриловны Долгоруковой за сохранение Тепловки (с. 44–56), что дало бы возможность обеспечить жизнь дочерей (Екатерины и Марии). Эта борьба потребовала от женщины и невиданной энергии, и отсутствия указаний на мужа, чтобы предстать в заслуживающем жалости и снисхождения статусе одинокой матери семейства, и от-

сутствия упоминаний о четырех сыновьях, в том числе несовершеннолетних, поскольку образ дочерей-сироток вызывал бесспорную жалость и увеличивал шансы на получение императорской помощи.

Вторая глава монографии «Роман императора» – безусловно, и самая обширная (с. 57–213), и наиболее насыщенная событиями, поскольку она касается главного факта биографии Долгоруковой – ее связи с императором. Глава основана исключительно на переписке влюбленных, что дает возможность слышать «живые голоса». В монографии, в целом хорошо иллюстрированной (многочисленные фотопортреты императора, самой Кати, их детей, родственников и др.), приводятся образцы писем Александра княжне и княжны Александру, что заставляет осознать объемы и сложность работы с источниками (общее количество писем – примерно 5 тыс., они написаны по-французски с вкраплениями отдельных слов или даже фраз на русском языке). Почерк княжны Долгоруковой хотя и крупный, но малоразборчивый; много переходов с одного языка на другой в пределах одного абзаца, даже одного предложения. Большая заслуга Ю. Сафроновой в том, что она постаралась донести до читателя «кухню» речевых игр императора и его confidentки, показала значение фраз на русском в их переписке (наиболее личные, важные моменты) и постепенный трансфер языков (с русского на французский) по мере перехода описываемых сюжетов из сферы глубоко эмоциональной, личностной в бытовую, повседневную. Исследовательница подает письма как «длительную языковую игру, которая не была частью общей жизни пары», своеобразный дневник, «повседневные записи даже незначительных происшествий, прерываемые излияниями чувств» (с. 103). Этот подход был единственно возможным с учетом содержания писем императора и княжны – по признанию автора, «монотонного, с повторяющимися периодами, при почти полном отсутствии каких-либо свидетельств, что корреспонденты живут в эпоху Великих реформ» (с. 101–102). Ю. Сафронова характеризует разные роли языков в переписке пары, говорит об изобретении всевозможных словечек, ласковых прозвищ, использовании языка любви, убедительно демонстрирует, как в письмах реализуется асимметрия отношений Александра и Кати: «Александр лепил себе послушную возлюбленную, и она поддавалась его школе, перенимая язык и образ мыслей» (с. 124).

Не все рассматриваемые в главе сюжеты проработаны с одинаковой тщательностью. Так, исследовательнице не удалось найти нарративные источники о времени учебы княжны в Смольном, хотя есть замечательные источники по более ранним периодам жизни смолянок и по более позднему [Институтки], но как раз те годы, когда там шли реформы Ушинского (с 1860 г.) и училась княжна Долгорукова (1860–1865 гг.), остались не запечатленными в мемуарах. А подобные тексты могли бы многое рассказать об условиях формирования внутреннего мира, мировоззрения княжны, о ее окружении в институт-

ские годы. Однако можно было найти списки выпускниц Смольного по годам и хотя бы представить (поименно) тех девушек, что находились рядом с Катей, учились в одном с ней классе, чуть раньше или чуть позже, проследить их жизненные траектории, понять, насколько уникален ее характер, или же она со своей эмоциональностью являлась типичным продуктом институтского воспитания. Увы, раз мемуарных источников нет, то исследовательница не позволяет себе никаких рассуждений на тему, что могла бы знать и как должна была думать княжна, раз училась в Смольном. Применительно к институтскому периоду жизни можно сделать только один вывод о результатах ее учебы: она «говорила и писала по-французски с ошибками, практически не знала немецкого, обладала плохим почерком и предпочитала французские любовные романы “серьезному” чтению» (с. 59). То, что Долгорукова не приобрела каллиграфического почерка, особенно заметно в сравнении ее писем с посланиями императора, написанными в отчетливо аккуратной манере.

Не обратив внимание на одноклассниц Долгоруковой, Ю. Сафронова выстраивает примечательную линию сопоставления «романа императора» (начавшегося в 1866 г.) с четырнадцатилетней любовной драмой Ф. И. Тютчева и Е. А. Денисьевой (закончилась в 1864 г. со смертью Денисьевой), также выпускницей Смольного. Это сопоставление позволило зафиксировать «родовые черты» смолянского типа поведения у женщин-любовниц – обожание своего предмета страсти, склонность к сценам ревности и скандалам, абсолютное отсутствие (как будто ее не существует) упоминаний законной супруги (с. 60–61). Таким образом появилась «рамка» для характеристики дальнейшего поведения Кати – в период длительной холодности юной княжны, сомневавшейся в страсти сорокасемилетнего императора, «переворота» весны 1866 г. и далее целого ряда дат, которые в итоге стали собственным памятным календарем пары. Ю. Сафронова уверена, что «Смольный, культивировавший ценный Александром II тип женщины-институтки, на десятилетия законсервировал сентиментальный идеал начала XIX в.» (с. 379), однако это наблюдение подходит для объяснения случая покорно-внушаемой Юрьевской, но не помогает интерпретировать одновременное появление других типажей институток, таких как деятельная Е. Н. Водовозова⁴ (закончившая Смольный в 1861 г.), интриганка В. И. Шебеко (многолетняя компаньонка Кати) или ее младшая сестра княжна М. М. Долгорукова.

Автор ясно и четко выражает свою мысль, что особенно заметно в главе про сексуальную жизнь пары. Исследовательница деликатно и сдержанно, без смакования подробностей, но в то же время достаточно откровенно характеризует отношения любовников в параграфе

---

⁴ Водовозова (урожд. Цевловская) Елизавета Николаевна (1844–1923), детская писательница, педагог. Автор мемуаров «На заре жизни», в том числе описывающих учебу в Смольном в 1855–1861 гг.

«Бингерле» (с. 172–184), объясняя, что переписка Александра и Кати уникальна как источник по истории сексуальности второй половины XIX в. Наличие такой главы действительно нетипично для научной биографии, но в работе, посвященной биографии любовницы, это совершенно естественно, а выводы автора позволяют преодолеть мифы о строгостях викторианской морали и об отсутствии женской сексуальности в представлениях буржуазного общества той поры.

Безусловным успехом автора является параграф «Княжна и политика» (с. 200–213), в котором предпринята попытка ответить на вопрос о политической роли княжны Долгоруковой, инструментами вмешательства которой были пересказ «разговоров» и участие в обсуждении политических вопросов с императором, а итогом – в том числе падение всесильного Петра Андреевича Шувалова, шефа жандармов и начальника III Отделения (с. 207).

В третьей главе (с. 214–289) речь идет о коротком периоде замужней жизни княжны, когда она начала вовлекаться в придворную и семейную жизнь Романовых, что привело к затруднениям и даже скандалам. Ю. Сафронова демонстрирует глубокое понимание взаимовосприятия Юрьевской и членов императорской семьи, связанное со столкновением разных модусов общения с государем и главой семьи внутри и вне ее: «Подданная, вошедшая в узкий круг членов императорской фамилии, вела себя с императором именно как жена с мужем, да еще в присутствии посторонних, чего никогда не позволяла себе императрица Мария Александровна» (с. 251). Как пишет Ю. Сафронова, «княгиня Юрьевская оскорбляла членов императорской семьи не только своим “прошлым”, но и постоянным нарушением правил этикета. Установившаяся за годы связи манера общения, домашние прозвища, маленькие вольности, позволенные в гнезде, на семейных трапезах воспринимались присутствующими как полное отсутствие воспитания, неуважение к монарху и императорской фамилии, а также нарочитая, нахальная демонстрация интимности» (с. 251). Источниковая база этой части работы иная: отсутствуют письма воссоединившейся пары, но есть тексты представителей императорской семьи и света, а также рукописные воспоминания самой Юрьевской, которые создают крайне противоречивую картину короткого временного отрезка, начавшегося 6 июля 1880 г. и закончившегося цареубийством 1 марта 1881 г.

Четвертая глава (с. 290–376), сопоставимая по объему с третьей, посвящена огромному временному интервалу – 41-летнему периоду вдовства Юрьевской. Эта часть наиболее слабо подкреплена источниками (за исключением первых лет, которые освещает переписка княгини с Александром III и М. Т. Лорис-Меликовым, и аспекта ее финансового положения). Немногочисленные свидетельства современников позволяют лишь пунктирно обозначить главные вехи жизни Юрьевской и ее детей в это время. Даже приводимых свидетельств достаточно, чтобы понять: неуместное поведение Юрьевской продолжилось и после гибели

ли Александра II. Именно так воспринимались ее попытки занять место в императорской семье в период жизни в Петербурге, а затем – бурная светская жизнь с многочисленными приемами и раутами определенной политической окраски при жизни за границей, прежде всего в Париже. При этом появлялись тексты, посвященные «роману императора», затрагивавшие и острые политические вопросы. Ю. Сафронова, детально анализируя их (прежде всего скандальную книгу В. Лаферте об Александре II [Laferté]), доказывает, что неправомерно было переиздать этот текст в 2004 г. как принадлежащий непосредственно Юрьевской [Княгиня Юрьевская]. Ю. Сафронова уверена, что «автором книги была не она или, по крайней мере, не только она» (с. 314).

Как любое хорошее исследование, монография Ю. Сафроновой, отвечая на целый ряд вопросов, создает новые, что отмечает и сама исследовательница, признающая, что «уникальное положение возлюбленной императора в средоточии российской политики и в то же время в его закулисе постоянно искушало меня больше писать об историческом и политическом контексте, чем о героине этой книги» (с. 379). Мне же кажется, что и исследование биографии Юрьевской порождает новые вопросы. Что интересовало Катю? Как она размышляла? Возникает ощущение, что мир для нее был замкнут Александром и отношениями с ним. Мы знаем, что они совместно читали любовные романы, и это позволяло им совершенствовать свои взаимоотношения, экспериментировать в спальне и т. п. Что еще входило в круг чтения? Известно, что Александр постоянно разговаривал с Катей (и непосредственно, и в письмах). Она так хорошо слушала? Он гляделся в нее как в зеркало? Он создал ее для себя в постели, методично и постепенно вводя в мир любовных отношений (с. 73), а создавал ли он ее для общения? И если да, то понятны ее проблемы после заключения морганатического брака, когда она вышла из замкнутого мирка «гнезда» и общалась с членами императорской семьи в манере Александра, при этом не являясь императрицей, и это вызывало раздражение, непонимание. Поведение Юрьевской в 1880–1881 гг. диссонировало, не совпадало с тем, что ожидали от нее, тайной жены императора (новый брак Александра II официально не был объявлен).

Слабо охарактеризованы «значимые другие» княжны Долгоруковой, начиная с ее родни, прежде всего младшей сестры, княжны Марии («Муш») Долгоруковой, в замужестве княгини Мещерской, впоследствии Берг. Ее влияние на Катю признается, но образ получился размытым, отсутствует даже отчетливая биографическая канва. Гораздо более проработанной в биографии Юрьевской должна быть сюжетная линия, связанная с Варварой («Вавой») Шебеко. Что представляла собой эта столь значимая для Долгоруковой дама, ее многолетняя наставница, компаньонка, экономка, а с рождением детей – и нянька? Автор сообщает, что В. И. Шебеко была посвящена во все подробности отношений пары (с. 155), вплоть до непосредственного участия в интимных отношениях (с. 182). Кто были знакомые Шебеко и в Петербурге, и за границей? Какие-то глухие намеки на знакомства и интриги политического

характера (с. 314–315) диссонируют с основным отчетливым тоном авторского нарратива, хотя сама Ю. Сафронова в заключении признает, что на основе переписки Александра и Долгоруковой возможны две версии взаимоотношений пары: «сумел ли император воспитать из восторженной смолянки покорную ученицу, перенявшую стиль его писем, образ мыслей, манеры и жесты настолько, чтобы соответствовать его романтическому желанию быть с возлюбленной “одним существом”? Или Катя, верная ученица Вавы Шебеко, успешно манипулировала возлюбленным, создавая в письмах лишь иллюзию “одинаковости” суждений и чувств?» (с. 377). Сама Ю. Сафронова не дает однозначного ответа, какая из интерпретаций соответствует ее авторскому видению. Без ответа остается и вопрос о том, почему все так влияли на Катю. Почему она была столь внушаема, зависима? Эти зависимость, внушаемость, ограниченность заметны даже по сравнению с ее младшей сестрой, обладавшей определенным внутренним стержнем.

Как Катя воспитывала детей? Более-менее охарактеризованы воспитание старших детей в период до гибели Александра и процесс воспитания сына Георгия в последующее время. Однако о воспитании дочерей Ольги и Екатерины практически ничего не говорится, хотя автор и заявляет, что книга в том числе посвящена этим сюжетам (с. 17). Мы узнаем о результате процесса воспитания – однозначно провальном в случае Гого⁵, но никакого исследовательского анализа, почему так получилось, осознавала ли проблемы и свою ответственность светлейшая княгиня Юрьевская, автор не дает. Не совсем понятно, это авторское умолчание связано с отсутствием нужных источников или является сознательным ограничением.

Крайне скупо, ссылаясь на отсутствие внятных источников, автор пишет и об участии Кати в железнодорожных махинациях, хотя этот сюжет требовал четкого авторского комментария.

Более подробного рассмотрения заслуживает и еще один аспект, существенный для характеристики внутреннего мира Кати, – это домашние животные, собаки. Они были важны для нее и с годами становились все более значимыми: «чем старше становилась княгиня и чем больше огорчали ее окружающие люди, тем больше она привязывалась к своим собакам» (с. 341). Судя по тексту исследования, в годы вдовства, особенно после отъезда детей, именно животные структурировали повседневную жизнь светлейшей княгини Юрьевской. Характерна история с завещаниями Кати 1902 и 1917 гг., где подробно прописано, что делать с собаками, в том числе присутствует примечательное распоряжение показать ее тело в гробу любимому псу Сигналу, чтобы он знал, что ее забрали в церковь (с. 341). Собаки были важны и для Александра II, но в жизнь Кати они пришли вместе с Александром или были там и раньше? Именно у Юрьевской доживал свой «собачий век»

---

⁵ Георгий Александрович Юрьевский (1872–1913), светлейший князь, старший сын Александра II и Е. М. Юрьевской.

последний пес Александра II, переживший своего хозяина. В монографии представлена фотография Кати с собачкой на коленях (с. 67) – она расслаблена, ей очевидно удобно и комфортно на руках у хозяйки. У людей же (естественно, за исключением Александра II) Долгорукова не вызывала такого ощущения расслабленности и удовольствия, наоборот, главными были чувства напряжения и ожидания очередной неуместной выходки Кати. Почему она умела вести себя с животными и совершенно не научилась адекватному поведению среди людей? Чья это вина? Или все дело в особенностях характера? Автор, к сожалению, не предлагает нам свою интерпретацию, так же как и не характеризует те визуальные источники, что приведены в монографии.

На фоне скрупулезной работы с источниками и их очень сдержанной интерпретации особенно обидными выглядят технические «ляпы» и опечатки – например, в таблице про номинальную и биржевую стоимость ценных бумаг, внесенных в Государственный банк на имя светлейшей княгини Е. М. Юрьевской⁶, и в названии цитируемой работы под редакцией Н. Л. Пушкиревой «А се грехи злые, смертные...» [А се грехи], где название искажено на корректирующее смысл «Все грехи злые, смертные...» (с. 173).

Монография Ю. Сафроновой говорит и об Александре, но не как о царе-освободителе, а о персоне, человеке, уставшем от публичности, не желающем играть роль императора постоянно⁷, стремящемся удалиться в свою «раковину», создать с Катей мир, свободный от публичности и ее обязательств. Он «мечтал об избавлении от своих многочисленных обязанностей», погружении в «настоящую жизнь», сосредоточенную только на «семье» (с. 122). В свете этого возникло четкое разделение сфер и жен: публичная – и императрица Мария Александровна, частная – и Катя (в переписке он постоянно называет ее своей женой, а себя – ее мужем). Была ли эта задача сохранения определенной приватности решаемой? Александр III смог на практике оградить от публичности свой семейный круг, чему особенно способствовала изоляция семьи в Гатчине, вызванная соображениями безопасности. Но изоляция семьи Николая II, связанная с болезнью наследника, была непонятна окружающим и воспринималась болезненно. Ю. Сафронова предлагает свое объяснение проблем в императорской семье и поведения самодержца, базирующееся на мнении графа С. Д. Шереметева о «старомодности» Александра II, более похожего на дядю Александра I, нежели на отца Николая Павловича, любезностью, тонким ухаживанием за дамами, сентиментальной нежностью и особой чувстви-

⁶ Вместо суммы биржевой стоимости 5 % облигаций санкт-петербургского Городского кредитного общества в 18 тыс. руб. вписаны 180 тыс., хотя итоговая сумма биржевой стоимости ценных бумаг Юрьевской посчитана правильно (с. 343).

⁷ Соглашусь с автором, что трудно представить Николая I, ведущего себя подобным образом: «Самодержавный монарх “на коленях умолял” княгиню Долгорукову (Луизу, жену брата Кати М. М. Долгорукова. – О. С.) о разных “милостях” и безропотно соглашался с ее требованиями» (с. 87).

тельностью, что вызывало насмешки радикалов (с. 252, 380). Видимо, эта объяснительная модель (о поколенческом разрыве) близка Ю. Сафроновой, поскольку она повторяет ее дважды – и в основном тексте, и в заключении. Эта попытка списать все на устарелость взглядов Александра II, больше похожего на Александра I, чем на собственного отца, – все ли она объясняет? Мы знаем, что представления меняются циклически, и сыновья отвергают ценности отцов, при этом часто воспроизводя ценности дедов (по возрастной разнице Александр I, Николай I и Александр II ближе к системе отношений дед – отец – сын/внук, чем к реальной дядя – отец – сын/племянник). Можно продолжить этот сравнительный ряд и сказать, что поведенческая модель Александра III ближе к модели Николая I, нежели Александра II, однако такая констатация не объясняет одиночества Александра II, непонимания его поведения окружением. Скорее всего, поведение императора, при каждой возможности «убегавшего» из публичной роли самодержца в тайную жизнь с Катей, казалась двору, приближенным недостойной стратегией.

Исследование Ю. Сафроновой позволяет представить повседневную жизнь императора с ежедневной тяжелой нагрузкой чтения бумаг, выслушивания докладов и другими мероприятиями, которые составляли модус существования императора. Он жаловался в письмах Кате на тяжесть этой нагрузки, хотя и добросовестно ее выполнял, при этом непременно выкраивая время, чтобы в три этапа – утром, днем и поздно вечером – написать возлюбленной обязательное ежедневное письмо; иногда во время доклада начинал мечтать о будущем свидании с ней (вплоть до продумывания интимных нюансов), и мы понимаем, что император – это живой и, в случае Александра, тонко чувствующий и мечтательный человек. Вот этих «живых картин», как правило, не хватает в обычных биографических текстах, посвященных сильным мира сего.

Интерпретация «романа императора», предпринятая Ю. Сафроновой, приводит к выводу, что проблема презентизма императорской власти, соотношения публичного и частного, несмотря на исследование Р. Уортмана [Уортман], нуждается в дальнейшей разработке на основе сравнительных материалов истории (русских и европейских).

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что первая научная биография княжны Долгоруковой (светлейшей княгини Юрьевской) состоялась, и хорошо фундированное исследование Ю. Сафроновой – пример современного исследования жизненных стратегий и поведенческих практик представителей российской элиты.

Список литературы

«А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века : в 3 кн. / изд. подг. Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. М. : Ладомир, 2004. 751 + 720 + 944 с.

Александр II Освободитель // Государственный исторический музей : [официальный сайт]. URL: <http://shm.ru/shows/11394> (дата обращения: 01.08.2018).

Долгорукая Е. М. Александр II: с приложением биографического очерка Мориса Палеолога «Александр II и Екатерина Юрьевская» / княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). М. : Захаров, 2004. 211 с.

Институтки : Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. ст. А. Ф. Белоусова. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.

Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора, 1879–1881 годы. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 370 с.

Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская : Роман в письмах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2017. 404 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1. 608 с. Т. 2. 800 с.

Laferté V. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Bâle ; Genève ; Lyon : H. Georg, 1882. 219 p.

Paléologue M. Le roman tragique de l'empereur Alexandre II. Paris : Plon-Nourrit et cie, 1923. 254 p.

Tarsaidzé A. Katia: Wife before God. N. Y. : Macmillan, 1970. 349 p.

References

Aleksandr II Osvooboditel'[Alexander II the Liberator]. In *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei* [official website]. URL: <http://shm.ru/shows/11394> (mode of access: 01.08.2018).

Bokova, V. M., Sakharova, L. G. (Eds.). (2001). *Institutki. Vospominaniya vospitanits institutov blagorodnykh devits* [Boarding Schoolgirls. Memoirs of Pupils of Institutes for Noble Maidens] / introductory article by A. F. Belousov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.

Dolgorukaya, E. M. (2004). *Aleksandr II: s prilozheniem biograficheskogo ocherka Morisa Paleologa "Aleksandr II i Ekaterina Yur'evskaya"* / knyaginya Yur'evskaya (pod psevdonomimom Viktora Laferte) [Alexander II: With an Appendix of a Biographical Essay by Maurice Paléologue "Alexander II and Catherine Yuryevskaya" / Princess Yurievskaya (under the Pseudonym of Victor Laferte)]. Moscow, Zakharov. 211 p.

Laferté, V. (1882). *Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort*. Bâle, Genève, Lyon, H. Georg. 219 p.

Paléologue, M. (1923). *Le roman tragique de l'empereur Alexandre II*. Paris, Plon-Nourrit et cie. 254 p.

Pushkareva, N. L., Bessmertnykh, L. V. (Eds.). (2004). *"A se grekhi zlye, smertnye...»*. *Russkaya semeinaya i seksual'naya kul'tura glazami istorikov, etnografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka v 3 kn.* ["And Behold the Sins of Evil, Mortal...". Russian Family and Sexual Culture through the Eyes of Historians, Ethnographers, Writers, Folklorists, Lawyers, and Theologians of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Lodomir. 751 + 720 + 944 p.

Safronova, Yu. A. (2014). *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora, 1879–1881 gody* [Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terrorism, 1879–1881]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 370 p.

Safronova, Yu. A. (2017). *Ekaterina Yur'evskaya. Roman v pis'makh* [Ekaterina Yuryevskaya. An Epistolary Novel]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 404 p.

Tarsaidzé, A. (1970). *Katia: Wife before God*. N. Y., Macmillan. 349 p.

Wortman, R. S. (2004). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI. Vol. 1. 608 p. Vol. 2. 800 p.

The article was submitted on 22.08.2018